

Тао Лин немедленно пришел в себя. Он повернулся к окну и машинально продолжил:

- Самое доминирующее сознание в даосизме – это сознание бессмертного, а за ним идет сознание долгоживущего. Или можно было бы сказать, что они всегда были единым целым. На самом деле, жажда жить долго – это то, как даосизм видит и воспринимает жизнь. Идея долголетия проходит через весь даосизм, а это значит, что оно проходит через все осознание жизни.

- Возможно, что именно это осознание помогает даосизму ассимилировать все типы представлений о жизни. Но, если рассматривать это под другим углом, то даосизм, постоянно ассимилируя верования других людей, в то же время продолжал укреплять свое собственное осознание жизни. Испытывая такое влияние, в итоге люди обращаются к даосским бессмертным только ради понимания человеческой жизни в настоящем. И это и есть основная цель религии, о которой я говорил раньше.

Закончив свою мысль, еще до того, как Юнь Нань смогла хоть что-то сказать, он добавил:

- То, что я сказал, может быть неверным. Кроме того, это очень маленький пункт, из-за которого все может выглядеть предвзято. Просто убедитесь, что ваше любопытство не иссякло, исследуйте даосизм самостоятельно и приложите как можно больше сил, когда будете искать доказательства.

- Учитель, а есть ли смысл использовать зарубежные исследования по религиоведению для объяснения китайской национальной религии? – снова задала вопрос Юнь Нань, широко раскрыв глаза. – А еще: разве это не то же самое, что и компаративистские исследования? В чем же разница?

- Вы действительно попали в точку с этим вопросом... – Тао Лин улыбнулся, услышав ее слова.

Как только он это сказал, из двери выглянул Коу Хуай и поманил Тао Лина к себе.

- Тао Лин! Чем ты занимаешься?

- Простите, учитель, я вас побеспокоила, – Юнь Нань бросилась ему кланяться.

- Никаких проблем. Давайте поговорим в следующий раз, – ответил ей Тао Лин, затем повернулся и пошел по направлению к конференц-залу.

Последние два года были беспокойными. Но даже несмотря на то, что деловой ужин после конференции отменили, хорошо знакомые друг с другом преподаватели все-таки устроили себе совместную трапезу. Это можно было рассматривать как частный ужин, стоимость которого не нужно было включать в командировочные отчеты о расходах.

Коу Хуай договорился с несколькими преподавателями из S-Да, и потому, что Тао Лин был его шиди, а еще одним из принимающих мероприятие, – хотя долгие заседания в течение всего дня полностью его вымотали – он вообще не мог сбежать. Так что в конце концов Тао Лин повел их к северным воротам кампуса на ужин.

Посреди всеобщей болтовни кто-то похвалил Тао Лина за его академическое мышление. Тао Лин из вежливости односложно ответил. Коу Хуай же, помог ему, сказав:

– Мой шиди плохо умеет общаться с людьми, он не может вести беседы.

– Это совершенно нормально, – вздохнул преподаватель. – Я имею в виду – разве мы не были точно такими же, когда закончили университет?

Тао Лин улыбнулся.

К тому времени, когда он проводил группу в гостиницу рядом с университетом, яркое небо уже полностью потемнело.

Тао Лин шел по кампусу. Однако, приблизившись к административному зданию университета, он внезапно повернул, вышел на футбольное поле и начал медленно его обходить.

Один круг, два круга, три и четыре.

Сколько в точности звезд на небе?

До этого он выпил несколько кружек пива, и теперь, после небольшой прогулки, какое-то время запах алкоголя вызвал у него некоторую усталость и интуитивную мысль: «Сегодня я хорошо высплюсь».

Эта интуиция всегда обманывала Тао Лина. Но всякий раз, когда Тао Лин чувствовал накатывающую на него усталость, он тревожился, боясь упустить возможность по-настоящему уснуть.

Поэтому он и ушел со стадиона.

Его часы показывали половину одиннадцатого ночи. Засунув руки в карманы, он срезал путь за корпусом исследований Тибета, а потом увидел в павильоне, мимо которого проходил, обнимавшуюся влюбленную парочку. Опасаясь, что может их побеспокоить, Тао Лин повернул еще раз.

В конце концов он пошел по главной аллее, чего надеялся избежать.

Выйдя из западных ворот кампуса, он мог думать только о букете лизиантусов. И он не знал, каким образом, но все же оказался перед входом в цветочный магазин. Магазин еще не закрылся. Точнее говоря, он еще не закончил закрываться.

Подставки с цветами, стоявшие снаружи, были пусты, но свет в магазине еще горел. Стеклопанельная дверь была закрыта, а рольставни опущены только на треть. Тао Лин огляделся и увидел, что на полу магазина расставлены разные виды цветов и растений. Но в то же время в самом магазине никого не было.

Тао Лин постоял немного и собрался уходить. Но, как только он повернулся, то внезапно на кого-то налетел. По его лбу прокатилась вспышка боли. Тао Лин сделал шаг назад и только тогда увидел Вэнь Циньина, стоящего перед ним и зажимающего нос.

Только что случившееся столкновение оказалось слишком сильным. В свете, лившемся из магазина, Тао Лин мог видеть, как уголки глаз Вэнь Циньина наполнились физиологическими слезами, и вот так возникла пара мерцающих очей, которые очень живо на него смотрели.

Заглядевшись на миг, Тао Лин фыркнул, а затем громко рассмеялся.

Вэнь Циньин потер нос и тоже улыбнулся. Он сделал Тао Лину приветственный жест и сразу подошел к двери. Подняв руки вверх, он свернул рольставню до самого верха.

Только после того, как Тао Лин вошел в магазин, он заметил, что Вэнь Циньин держит в руке яблоко. Тот дал знак ему сесть и отправился в дальний конец магазина мыть руки и фрукт.

Тао Лин огляделся и увидел, что за стойкой с сухими цветами стоит несколько ваз. Он встал, чтобы посмотреть на вазы, а после этого Вэнь Циньин подошел к нему и протянул половинку очищенного яблока.

Тао Лин поглядел на свои ладони, а Вэнь Циньин мягко улыбнулся, указав на туалет. После того, как Тао Лин вымыл руки, они сели друг напротив друга и молча стали жевать яблоко.

Рядышком сидели, фрукты ели - тебе половинка и мне половинка...

К черту это «Рядышком сидели». [Прим. англ. пер. Это детская песенка.]

Вэнь Циньин подвинул к нему свой телефон: «Мистер, я думал, что вы сегодня не пойдете этим путем».

«У меня сегодня была конференция, и я ходил на ужин с преподавателями».

Прочитав ответ, Вэнь Циньин кротко моргнул, подумал минуту и напечатал: «На прошлой

неделе я сказал что-то плохое, от чего мистер расстроился?»

Тао Лин нахмурился. Вэнь Цинъин, напротив, немного нервничал. Длинные тонкие пальцы нажали на экран, убрали телефон, и в то же время его такая прямая спина неожиданно согнулась.

- Нет, я не расстроился, - Тао Лин покачал головой.

Он нахмурился потому, что почувствовал легкое раздражение. Не на Вэнь Цинъина - на себя. Однако он не знал, как это объяснить. Вэнь Цинъин сам по себе был слишком хорош, и Тао Лин чувствовал одно страдание, когда пытался себя с ним сравнить.

Доев яблоко, он наконец напечатал: «Ничего подобного. Прошу прощения, из-за меня вы неверно это поняли. Каждый год в это время я... У меня всегда плохое настроение».

Вэнь Цинъин прочитал это и улыбнулся. Он снова задал вопрос: «Глядя на цветы, вы улучшаете свое настроение?»

Губы Тао Лина слегка изогнулись вверх.

«Китайские розы, которые вы мне подарили в прошлый раз, все еще живы».

В этот момент Вэнь Цинъин так обрадовался, что Тао Лин подумал, что тот попозже всучит ему еще один горшок с цветами. Они обменялись еще несколькими фразами. Когда Тао Лин понял, что Вэнь Цинъин не собирается делать того, что он предположил, то потихоньку вздохнул.

Было уже слишком поздно. Тао Лин сказал Вэнь Цинъину, что уходит, а тот встал, чтобы закрыть магазин.

Как и прошлый раз, они пошли бок о бок по направлению к дому Тао Лина. После того, как они помахали друг другу на прощание, Вэнь Цинъин пошел дальше вперед. Перейдя пустой тихий перекресток, Вэнь Цинъин оглянулся. У входа в жилой комплекс больше никого не было видно. Постояв некоторое время, он развернулся и отправился назад тем же путем, которым они шли.

Повсюду дул ночной ветер. Вэнь Цинъин обошел квартал, где жил Тао Лин, затем прошел по переулку и вышел на улицу. Он направился в сторону той улицы, на которой находился открытый им цветочный магазин, и на перекрестке пошел в другую сторону.

Направление, в котором он шел, предполагало, что он должен был расстаться с Тао Лином давным-давно.

В мгновение ока перед Тао Лином предстала вторая половина семестра. Его лекции начинались в эту пятницу. На самом деле это был обще-культурологический курс, и на этих занятиях можно было говорить о чем угодно. Все аспиранты-первокурсники были обязаны его пройти, и каждый семестр этот курс у них будут вести разные преподаватели.

Тот предыдущий пост про Тао Лина давно утонул в массе тем на форуме. Но теперь, когда Тао Лин вскорости должен был начать вести занятия, пост кто-то энергично протолкнул наверх. Хотя в конце концов его удалил однажды ночью какой-то другой человек, которому все это надоело.

Однако на следующий день постов стало больше. Кто-то громко стонал о том, что люди потратили так много внимания на старый пост, а модераторы, должно быть, тайно влюбились в Тао Лина и отказались от своих моральных ценностей. Был еще кто-то другой, кто набросился на Тао Лина за то, что тот двуличен и делает что-то у людей за спиной, а не говорит о проблемах открыто и прямо. Еще один пользователь опубликовал собранную информацию, чтобы продолжить обсуждение того, кто же был его невестой.

К счастью, поскольку посты разбросало по форуму, каждый из них привлекал уже не так много внимания, как первый.

В четверг Тао Лин ушел с работы и, как всегда, сначала отправился в коридор за залом религиоведения, чтобы перевести дух.

Не прошло и нескольких минут, как он увидел Вэнь Цинъина, выходящего с горшком в руках и наклоняющегося, чтобы полить цветы у дверей. Вскоре после этого к нему подошли две девушки, которые долго выбирали цветы из подставок, не собираясь никуда уходить.

Тао Лин какое-то время наблюдал за ними и почему-то почувствовал легкое нетерпение. Он нащупал в кармане свой телефон, открыл университетский форум и стал смотреть, есть ли там какие-нибудь посты про Вэнь Цинъина.

И когда он проматывал страничку форума, он действительно наткнулся на один такой пост. Конечно же, его заголовок привлекал внимание: [«Плохие новости! Грянул гром на ровном месте! У босса-геге из цветочного магазина за западными воротами уже есть девушка!»]

Примечание автора.

Наиболее доминирующее сознание в даосизме – это сознание бессмертного. Поскольку в рамках изучения даосизма это общая точка зрения, я не нашла для нее конкретного источника. Здесь я по-прежнему опираюсь на теорию, отраженную в исследованиях г-на Чжаня Шичуана, который упоминался в предыдущей главе. Краткое изложение «осознания жизни» в зарубежных исследованиях по религиоведению принадлежит мне, хотя я не уверена,

что существуют подобные толкования для других областей знания.

<http://bllate.org/book/13907/1225706>